

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5937>

Дата подачи статьи: 9 мая 2020 г.

Дата принятия к печати: 22 августа 2020 г.

ПОЛЯКИ НА КАВКАЗЕ В ОТЧЕТАХ III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

Юрий Клычников

Пятигорский государственный университет, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>e-mail: info@pgu.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению работы жандармов, занимавшихся выявлением нелояльно относящихся к имперской власти поляков. На примере дел, которые расследовались представителями власти, показываются различные нюансы во взаимоотношениях между официальным Петербургом и теми польскими солдатами и офицерами, которые оказались на Кавказе в период активного вооруженного противостояния России с частью горских народов края. Объясняются мотивы имевшего место предубеждения к выходцам из Царства Польского. Одновременно демонстрируются примеры добросовестной службы поляков, которые находились на хорошем счету у начальства и служили примером верности присяге. Показано стремление жандармов раскрыть подлинную суть происшествий, связанных с деятельностью лиц, подозреваемых в симпатии к революционным идеям. В работе использованы материалы, ранее не вводившиеся в научный оборот и выявленные в центральных и региональных архивах Российской Федерации, что и обусловило применение обширных цитат в тексте исследования.

Ключевые слова: жандармы, эмиссары, горцы, поляки, Кавказ

Submitted on 9 May, 2020
Accepted on August 22, 2020

POLES IN THE CAUCASUS IN THE REPORTS OF BRANCH III OF HIS IMPERIAL MAJESTY'S CHANCELLERY

Yuri Klychnikov

Pyatigorsk State University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

e-mail: info@pgu.ru

Abstract: This article describes the work of gendarmes involved in identifying Poles disloyal to imperial power. Based on cases that were investigated by the authorities, various nuances are shown in the relationship between officials in Petersburg and Polish soldiers and officers who were in the Caucasus during the period of active armed confrontation between Russia and various mountain peoples of the region. The motives of the prejudice towards immigrants from the Kingdom of Poland are explained. At the same time, examples are shown of the good faith service of the Poles, who were in good standing with the authorities and served as an example of fidelity to an oath. The desire of the gendarmes to reveal the true essence of the incidents related to the activities of persons suspected of sympathy for revolutionary ideas is shown. The article uses materials that were not previously introduced into scientific circulation and identified in the central and regional archives of the Russian Federation, which led to the use of extensive citations in the text of the study.

Keywords: gendarmes, emissaries, highlanders, Poles, Caucasus

Работа правоохранительных органов традиционно вызывает диаметрально противоположные оценки, в зависимости от политических предпочтений исследователя. Вместе с тем их безусловная функция, без которой невозможно обойтись ни в одном государстве, зачастую лишена эмоциональной нагрузки и является вполне рутинным действием, исходящим из существующей правовой основы. Именно из этого постулата следует исходить и в оценке работы политической полиции Российской империи, которая стояла на страже существующего порядка и должна была пресекать шаги, которые выходили за рамки правового поля. Данная тема видится перспективной, хотя и сложной для анализа, вследствие скудости источниковой базы

проблемы. Отсюда возникает необходимость в выявлении и предварительном анализе новых документальных свидетельств о различных задачах, которые ставились перед жандармами и решались ими. Объектом статьи стала деятельность III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) в контексте контроля лояльности оказавшихся на Кавказе подданных империи. Предметом работы стало изучение дел, в которых были упомянуты поляки, в силу различных обстоятельств связанные с регионом и вызывавшие подозрение во враждебности к власти. Статья носит предварительный характер и является продолжением серии публикаций (Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян), направленных на создание целостного и разностороннего монографического исследования о роли польского фактора в кавказской политике России.

Верность престолу подданных Российской империи из числа поляков вызывала недоверие и настороженность у властей, и на то были веские причины. Волнения, происходившие в западных губерниях, заставляли пристально следить за теми людьми, которые могли нести угрозу государственной безопасности, сочувствовали революционерам либо участвовали в борьбе за обретение независимости от власти Петербурга. Любая информация, которая поступала в III Отделение СЕИВК, тщательно анализировалась и проверялась. При этом перед жандармами не стояла задача сфабриковать дело искусственно и осудить невиновного человека.

Особое внимание обращали на тех, кто находился в рядах вооруженных сил, тем более если речь шла о солдатах и офицерах Отдельного Кавказского корпуса, который вел борьбу с «немирными» горцами. Так, находившийся в Воронежской губернии Корпуса жандармов полковник Коптев в донесении от 6 октября 1832 г. сообщал, что, будучи на станции поселка Можайского Воронежской губернии, он имел беседу с юнкером Тенгинского пехотного полка Аксеновым, который возвращался со службы домой в отпуск. Данный полк был расквартирован в крепости Чернолесской, расположенной в 30 верстах от Ставрополя. На вопрос о том, имеются ли в его полку «нижние чины бывшего польского войска, на службу присланные, каково они служат и ведут себя?», тот ответил, что «прислано в их полк таковых до 500 человек, присовокупя к сему, что он слышал в августе месяце одного полка разжалованного из капитанов (фамилии его не упомнит) произносившего в казарме 8-й мушкетерской роты сего же полка, именно сии слова: «Мы все несчастья которые теперь терпим, то все это чрез императора Николая – доберемся мы до него хоть нескоро, но здорово». После сего мне сказанного [Коптев] спросил юнкера Аксенова, объявил ли он сии слова

полковому командиру своему, на что он отвечал, что сего он не мог сделать, по причине скорого выезда в отпуск, а предполагает, что слышавший юнкер одного же с ним полка объявит сие полковому командиру» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 7. Д. 406. Л. 1 об. – 2.].

Естественно, что с такими мыслями и надеждами доверия поляки не вызывали, хотя командиры подразделений и старались не выносить сор из избы и, как правило, давали своим подчиненным положительные характеристики. В сводных ведомостях, которые отправлялись вышестоящему начальству, в графе «Как ведут себя», писалось: «Хорошо», «По сему списку особых замечаний нет», «Весьма хорошо», «Особо ничего не замечал», «По службе и в поведении дурного не замечено» [РГВИА, Ф. 13454. Оп. 5. Д. 464. Л. 285, 290, 297, 337 и др.]. Видимо, неслучайно юнкер Аксенов предпочел не доводить порочащую его сослуживца информацию до командира, хотя, верный присяге, в итоге и сознался жандармскому офицеру об известном ему эпизоде.

Немало иностранных эмиссаров стремились убедить польских военно-служащих встать на сторону противников России [Клычников 2019]. Такая информация поступала из самых разных источников, в частности, и по линии Военного Министерства. Например, в феврале 1846 г. стало известно, что в руки местных властей попали прокламация, подписанная Адамом Чарторыжским (в другом случае упоминается подпись ЗамоЙского), и медаль «с изображением Адама I-го короля польского, которые доставлены были злоумышленниками на Кавказ» [РГВИА, Ф. 38. Оп. 7. Д. 121. Л. 3, 3 об.]. Игнорировать такие угрозы российская власть, естественно, не могла.

При всем предубеждении к службе жандармов, которое имелось (особенно у либеральной части общества), офицеры, отвечающие за внутреннюю безопасность и контрразведывательную деятельность, работали ответственно и старались не выходить за рамки закона. Примеров такого отношения к делу было немало. Представляется заслуживающим внимания расследование, которое началось осенью 1841 г. и было связано с полученной информацией о тайном обществе, якобы организованном поляками и связанном при этом с интересами иностранного государства.

Находившийся в Воронежской губернии жандармский полковник Свечин (?) в своем секретном рапорте от 24 октября 1841 г. докладывал о поступивших к нему от Таганрогского градоначальника действительного статского советника Отто Романовича Франка данных о некоем рядовом Ростовской инвалидной команды Петре Неймане. Ранее он служил в 8-м линейном полку польских войск, а затем оказался на службе в русской

императорской армии. Этот рядовой поведал, что «шедши из Ростова в Нахичевань встретился с знакомыми ему бежавшим капитаном 9-го Линейного полка Аполлоном Панинским, путешествующим под именем Яна Бухлендера, и французским подданным Девилье, находившимся во время мятежа при генерале Романино» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 1–1 об.].

П. Нейману предложили бежать на Кавказ и заняться там сбором военной информации, в частности, снимать планы имеющихся здесь укреплений. Его заверили, что действовать они будут не одни, а вместе со своими товарищами капитаном Танским и поручиком Кульчицким, которые вернулись в Царство Польское из Франции. До этого он участвовал в революционных выступлениях и считался пропавшими без вести. Оба офицера прибыли в Одессу, а затем отправились в Севастополь, чтобы встретиться с еще одним заговорщиком – бывшим Варшавским академиком, ныне являвшимся рядовым военно-рабочей роты Карлом Цеховским. У него якобы уже были собраны все необходимые разведывательные данные, и теперь «главнейшие замыслы Панинского и Девилье и их вышесказанных товарищей состоят в произведении возмущения между войсками в Грузии и на Кавказе, где много находится поляков. Сверх того Петр Нейман показал, что список прочих мятежников находится у Панинского и Девилье, по словам которых сборный их пункт на возвратном их пути назначен в г. Воронеж» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 2–2 об.].

Не реагировать на столь важную информацию подполковник не мог и отдал распоряжение немедленно задержать заговорщиков, как только они появятся в Воронеже.

Со своей стороны 28 октября 1841 г. шефу жандармов отправил донесение и Таганрогский градоначальник. Он приложил к нему копию с отзывом командующего Ростовскою инвалидною командою поручика Гаврилова, в котором содержалась характеристика фигурирующего в деле П. Неймана. Из нее следовало, что этот рядовой крайне негативно оценивался своим командиром, и градоначальник «предписал Таганрогскому полицмейстеру отправить его Неймана отсюда к своей команде за караулом, а г. Гаврилову писал, чтобы он, до времени, имел Неймана под строгим присмотром для предупреждения новых его отлучек» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 6–6 об.].

Знакомство с фактами, приводимыми поручиком Гавриловым, рисует весьма неприглядный портрет человека, которого вполне можно охарактеризовать как пройдоху и афериста. Командир Ростовской инвалидной командой поведал, что «пойманный в г. Таганроге рядовой вверенной мне команды, поступивший в сем году из Кишиневской градской полиции

на службу рядовой Петр Нейман, который самовольно 5 числа сего месяца (5 октября 1841 г. – Ю.К.) с команды отлучился неизвестно где. После побега его 9 числа прибыл ко мне живущий в г. Нахичеване неизвестный мне учитель танцмейстер и объявил, что Нейман находился у него, так как показался быть мастером для фортепьянов и отпущен от начальника для заработков, где разобравши до тонка фортепьян и тут потребовал от учителя денег 15 руб. ассигнациями на покупку будто бы нужных материалов, где более к нему не явился, и так фортепьян остался не починен» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 7–7 об.].

На поиски этого «мастера фортепьянов» была оправлена команда, но П. Неймана в Нахичевани уже не было. Других махинаций он совершить не успел, но, по словам своего командира, «поведение его Неймана во всех отношениях развратное», и его следует немедленно под караулом доставить обратно в часть [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 7 об.].

Резонно предположить, что, пытаясь обелить себя в глазах начальства, рядовой выдумал всю эту историю, но оставить полученную информацию без проверки дотошные жандармы не могли. Они провели обыск и допросили Карла Цеховского, в результате чего выяснился факт его оговора. Согласно донесению из Севастополя от 18 ноября 1841 г., он характеризовался своим командиром майором Зоммером как человек «отличной нравственности, поведения очень хорошего», и начальство даже направляло его в «домовой отпуск» сроком почти на год, с 14 августа 1840 г. по 12 июля 1841 г. Т.е. он не мог все это время находится в главной базе Черноморского флота и собирать разведывательные данные, как ему приписывал П. Нейман. В ходе ничего не давшего обыска «на вопрос же сделанный жандармским капитаном Цеховский отвечал, что совершенно непричастен к возводимому на него подозрению и ничего не слышал о том деле» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 15.].

Информация о столь масштабном заговоре достигла даже императора. Выслушав доклад Шефа жандармов, государь отдал распоряжение «рядового этого, за не объявление своему начальству на месте о свидании его в Ростове с двумя польскими злоумышленниками, ежели показания об этом точно справедливо, и за самовольную отлучку от команды, предать военному суду при резервной дивизии Кавказского корпуса, при которой он ныне содержится на гауптвахте, а между тем начатые по показанию его розыскания о злоумышленниках продолжать» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 16. Д. 251. Л. 18–18 об.]. Таким образом, даже если рядовой Нейман и рассчитывал на послабление властей, выдумывая сведения о тайном обществе и очерняя других людей,

его замысел не осуществился. Жандармы так и не нашли информацию, подтверждающую его слова, и дело было завершено.

Весьма ответственно относились сотрудники службы и к просьбам, которые приходили к ним по поводу смягчения участи тех или иных политически неблагонадежных лиц. Так, глава жандармов Александр Христофорович Бенкендорф лично принял участие в рассмотрении дела помещика Гродненской губернии, рядового Кавказского линейного № 6 батальона Иосифа Бельского, который, будучи в отпуске, не только не вернулся вовремя в часть, но еще и, отправившись в Австрию, встречался там с «помещиком Ценским, известным тамошнему Правительству по неблагонамеренному образу мыслей», и прочими «подозрительными в политическом отношении» людьми [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 277. Л. 4 об.].

За него весьма эмоционально умоляла его потенциальная теща, некая Петронелла Росишина (?), чей эпистолярный талант, видимо, развивался под воздействием любовных романов: «Уроженец Гродненской губернии Кобринского града подпоручик Ряжского пехотного полка Иосиф Бельский, за отлучку без дозволения Начальства в союзную Австрийскую державу за возвратом в Империю по Высочайшей Его Императорского Величества Конфирмации, лишен чинов и написан в рядовые с определением на службу в Отдельный Кавказский корпус, без лишения однако ж (по уважению прежних его по службе отличий) дворянских преимуществ». Далее следовали весьма эмоциональные рассуждения об ошибках молодости и неблагоприятном стечении обстоятельств. Своими неосторожными действиями Бельский сделал несчастной и дочь мадам Росишиной, с которой познакомился после возвращения на родину, «и они предположили соединить на всегда свое жребие». Ничто не предвещало затруднений в организации будущего брака, и ожидание «заманило обоих этих молодых нареченных людей в приятные надежды, на слезы и ужасную горесть; Бельский более уже года находясь в рядах воинов Отдельного Кавказского Корпуса искренне раскаян в прежнем оплошном поступке, за который испытывает наказание, и по сему поклялся жизнью своею искупить утраченные неосторожно прежние заслуги, и отличаясь постоянно на поле брани, старался заслужить внимание начальства».

В боях против «немирных» горцев Бельский получил ранение, и теперь Петронелла Росишина рассчитывала на его отставку: «Возврат Бельского на Родину, о сколько ни принес бы неизъяснимой отрады, не только дочери моей, почти исчезающей от опасения потери его как нареченного, но и всей его родни! Изувечие Бельского хотя бы и самое сильное не отвратит немало

приверженных к нему лиц, коих он снискал своею честностью, а благодарность всех нас для великодушного благодетеля его будет беспредельна!» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 277. Л. 1–1 об.].

Был сделан запрос на имя командира Отдельного Кавказского корпуса Евгения Александровича Головина, в котором А.Х. Бенкендорф просил, чтобы тот уведомил, «как ведет себя означенный Бельский и находите ли Вы, м.б. с своей стороны, его заслуживающим увольнения из его части» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 277. Л. 2.].

Полученные сведения говорили о том, что данный солдат заслужил снисхождения и своей храбростью искупил провинность перед императором. Евгений Александрович сообщал, что тот «ведет себя хорошо, усерден в службе и образа мыслей благонамеренного и что потому просьба родственников об увольнении его на родину заслуживает внимания». Далее командир пишет следующее: «Присовокупить обязываюсь, что об увольнении этом, впрочем, я буду ходатайствовать также и с своей стороны, в представлении за отличия против горцев в делах 6 и 7 апреля при Назрановском укреплении, потому что Бельский, кроме того что участвовал в них с отличием, в последствии находясь в команде, высланной от Волынского пехотного полка в Голашковский лес, для рубки строевого леса, ранен был в правую руку пулею, с повреждением кости, и как лишившийся вследствие этой раны движения ноги, сделался неспособен к фронтовой службе» (письмо датировано 8 января 1841 г.) [ГАРФ, Ф.109. Оп.25. Д.277. Л. 3–3 об.].

Многие поляки могли не испытывать симпатии к российской власти, но при этом честно выполняли свой воинский долг. Пули, шашки и кинжалы горцев быстро примиряли вчерашних противников, которые теперь готовы были «еще подрасть за царя» (строки из песни сочиненной в 1839 г. «разжалованным Зяблицким») [РГВИА, Ф. 38. Оп. 7. Д. 51. Л. 21 об.].

Глубокое знание проблемы жандармские офицеры продемонстрировали, когда, выполняя циркуляр из Петербурга, весной 1850 г. высказались о том, «в какой степени может быть вредно поселение в Кавказском крае лиц польского происхождения, участвовавших в неблагонамеренных тайных обществах» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 3.]. Ни о каком формализме здесь речь даже не шла. Каждый из них исходил из собственного опыта и обстоятельств тех мест, где им было назначено нести службу. В итоге была создана обобщающая аналитическая справка, из которой можно было получить представление не только о поляках, но и о ситуации в крае в целом.

Так, штаб-офицер Тифлисского пункта Щербаков считал, что «водворение политических преступников польского происхождения в Тифлисе,

где всегда удобно иметь за ними строгий надзор, не поведет за собой никаких дурных последствий» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 3 об.–4.]. На основании своих наблюдений жандармский офицер рассудил, что революционные идеи вряд ли найдут сторонников у местного населения, чей менталитет весьма далек от европейского.

Курировавший Ставропольский пункт Юрьев в своих выводах был не столь однозначен и обозначил следующее понимание вопроса: «В Войсках Кавказского Корпуса и по всем ведомствам управления здешним краем и ныне находится на службе значительное число уроженцев польских и западных губерний, и хотя за действиями и образом мыслей их трудно следить, но за всем тем полагает, что водворение не многих политических преступников из поляков не сделает существенного вреда краю, если, проживая в главных местах, они могут быть постоянно на виду начальства и подлежать неослабному надзору». Однако он опасался, что, будучи на курортах Кавказских Минеральных Вод, такие ссыльные могли наладить контакты с приезжими из других частей империи, и потому выступал против их размещения в Пятигорье. К местам нежелательным для поселения поляков, обвиняемых в революционной деятельности, он относил пограничные пункты и казачьи станицы, «где не может быть за ними должного надзора» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 4–4 об.].

Противоположных взглядов придерживался отвечавший за Кутаисский участок штаб-офицер Коппозь (?). Он, видимо, имел негативный опыт пресечения антиправительственных настроений, т.к. «служил довольно долгое время в Царстве Польском и в Западных губерниях и близко ознакомившись с национальным духом поляков и неблагонамеренным образом их мыслей». Отсюда и его категорическое несогласие размещать их в иноэтничном окружении, которому только предстояло прививать идеи законопослушания. Поляки же, по его мнению, «будучи от природы возмутительного нрава и питая всегда в душе своей чувство нерасположения к Правительству нашему, могут с некоторым успехом передавать идеи свои и внушать такие же неприязненные чувства здешнему юношеству, из среды коего многие могут быть доверяемы их воспитанию» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 4 об.–5.].

Его поддерживал Змеев, в ведении которого находился Дербентский пункт: «Младенческое состояние нравственного образования здешнего народа, фанатизм его и недоверчивость к Правительству требует примеров строгой нравственности: малейшее уклонение от оной может сильно действовать на него; между тем чувство злобы, питаемое политическими преступниками из поляков за понесенное ими наказание и вредные идеи

их легко могут быть передаваемы туземцам». Учитывая, что его служба проходила в крае, еще недавно являвшимся «очагом» вооруженного противостояния, он считал «весьма вредным поселение между оными подобных лиц» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 5–5 об.].

Весьма осторожен был в выводах жандарм Фридриц из Шемахи. Его ответ выглядит достаточно расплывчатым и, видимо, должен пониматься как согласие на поселение поляков, но в ограниченном числе: «Уроженцы Царства Польского, состоящие здесь на государственной службе, постоянно стараются находиться между собою в тесных отношениях и сколько возможно удаляться от общества Русских, если в особенности не обязывает их к сближению с ними прямая зависимость или какая-нибудь выгода». Среди местной феодальной верхушки были те, кто в свое время проходил службу в Царстве Польском и овладел польским языком. Такие люди легко находили контакт с ссыльными и могли воспринять и их идеи. А потому, продолжая свою мысль, Фридриц констатировал: «Конечно, водворение двух-трех политических преступников из этой нации на жительство в Шемахинской губернии, при бдительном за ними надзоре, не может иметь влияния в обществе; но с поселением там значительного числа подобных лиц нельзя не ожидать дурных последствий...». В качестве аргумента, объясняющего его настороженность, он приводил пример визит на вверенный ему участок польского ксендза, который приехал «для исполнения духовных треб», а сам «внушал солдатам Линейных батальонов польского происхождения идеи, противные видам нашего Правительства» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 5 об.–6.]. Эта проблема уже не раз возникала во взаимоотношениях между имперской администрацией и польскими военными служащими, но эффективных способов ее решения так и не выработалось [Лазарян 2020, 48].

И наконец, возглавлявший Кизлярский пункт Голубинин (?) отвечал: «Судя по неприязненным чувствам поляков к Правительству, тесной связи их между собою и склонности толковать в обольстительном виде последние события в Западной Европе, трудно полагать, чтобы поселение в здешнем крае политических преступников польского происхождения, не способствовало развитию неприязненного их стремления и не имело вредного на местных жителей влияния» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 6–6 об.].

Подводя итог, начальник 6-го округа корпуса жандармов в Тифлисе П. Черкасов сделал следующий вывод: «По соображении мнений этих я полагаю с своей стороны, что поселение в Кавказском крае политических преступников какой бы ни было нации, тем более из поляков, всегда неприязненных к Правительству нашему и более или менее усвоивших себе

возмутительные идеи и дух Западной Европы, должно быть допущено с большою осмотрительностью». Он не возражал против такой практики, замечая что «от водворения небольшого числа политических преступников польского происхождения в главных местах здешнего края, где они могли бы быть под неослабным надзором и в виду начальства, нельзя предположить вредных последствий; но с постепенным размножением их здесь, где и без того состоит на службе значительное число поляков, едва ли может быть покойно Правительство: от такого соединения их может последовать вредное влияние как на общество, так и на ход дел и притом всегда можно ожидать от беспокойного стремления их, и личных неприязненных поступков и предприятий» [ГАРФ, Ф. 109. Оп. 25. Д. 258. Л. 6 об.–7 об.].

Это мнение несколько расходится с устоявшимся взглядом на Кавказ как на «теплую Сибирь». Местная администрация нуждалась в лояльных подданных, и без того испытывая серьезные проблемы с горцами, весьма тяжело привыкшими к порядкам, присущим государству. Дополнительная «головная боль» в лице польских инсургентов явно не приглянулась жандармам, которым пришлось бы следить еще и за этим проблемным контингентом.

Между тем у местных жандармов было немало причин опасаться проникновения на Кавказ враждебных элементов, сведения о которых регулярно собирались по всему миру. К примеру, 1 августа 1869 г. начальник Ставропольского губернского жандармского управления сообщал наказному атаману Кубанского войска о тревожной информации, которая была получена от «императорского поверенного в делах в Константинополе». От атамана требовали содействия в задержании, в случае появления в пределах области, тайных агентов, принадлежащих к польскому революционному обществу Martnisglory (?), которые направлялись из Парижа в Крым и на Кавказ. Они могли действовать «под личиною торговцев полотном, каковым они занимались в Константинополе». О достаточно успешной работе жандармов говорит тот факт, что заранее стали известны имена и приметы некоторых из злоумышленников [ГАКК, Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 58–58 об.].

Такое внимание к возможному появлению польских агентов в крае было неслучайно. Ситуация на Кавказе оставалась весьма напряженной, и власти опасались рецидивов вооруженного противостояния, которое еще недавно сотрясало регион. Одновременно с этими мерами предпринимались шаги по установлению наблюдения за турецкими и персидскими подданными, которые приезжали на южную окраину империи и старались завязать контакты с местными горскими обществами [ГАКК, Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 9 об.]. Зная, что европейские противники России ранее привлекали поляков для

разжигания войны на Кавказе, жандармы старались заранее купировать возможную угрозу с их стороны. Поступали сведения – «горцы верят рассказам, что англичане, французы, турки явятся отнять для черкесов Западный Кавказ» – и в сложившихся обстоятельствах действия правоохранительных органов представляются вполне адекватными ситуации [ГАКК, Ф. 774. Оп. 1. Д. 392. Л. 19].

Тревожная информация появлялась и в дальнейшем. Так, в 1871 г. из Константинополя в секретном отношении «генерала Игнатьева к тайному советнику Вестману» поднимался вопрос о том, что «хотя, по-видимому, политические обстоятельства и не благоприятствуют мечтам поляков о возможности восстановить независимость Польши, при всем том большинство этих выходцев не теряет надежды достичь осуществления своих предположений... В этом убеждении польская партия деятельно старается заблаговременно подготовить для себя в различных местностях России точки опоры и для этого нередко прибегает к возбуждению против правительства инородческих элементов населяющих империю. Таким образом, нам сделалось на днях известным, что поляки, проживающие в Турции, обратили, между прочим, свое внимание на Кавказский край и на разноплеменные народности его населяющие. Они не только делают злонамеренные внушения всем Кавказским выходцам, но при помощи тайных агентов успевают вести интриги в самом крае, прельщая означенные народности перспективою возможности возвратить себе самостоятельность и надеждою, что Польша, сделавшись независимой, не преминет оказать содействие всем этим племенам к освобождению от владычества России» [ГАРФ, Ф. 109 с/а. Оп. 2. Д. 542. Л. 1–1 об.]. При этом только агитацией дело не ограничивалось. Поступала информация, что в край завозилось оружие, которым предполагалось воспользоваться в нужный момент.

Такого рода обстоятельства необходимо учитывать при выяснении причин сохранения некоторой настороженности к выходцам из польской среды. Наказывая участников революционных волнений, власти при этом старались не выходить за рамки правового поля, стремясь отыскивать подлинных, а не вымышленных нарушителей законности. Нельзя отрицать наличие предубеждения к полякам у части общества, но такие настроения вряд ли стоит связывать с официальной политикой властей, целью которых было органично инкорпорировать их в состав имперского суперэтноса. Тому подтверждение – ответственность жандармских дознавателей при ведении дел, связанных с польскими фигурантами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края. Фонд 774. Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами, г. Екатеринодар Кубанской области.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Фонд 109. Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 38. Департамент Генерального штаба.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 13 454. Штаб войск Кавказской линии и Черномории расположенных.
- Клычников Юрий, Лазарян Сергей. 2019. *Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев*. Ред. Ермакова В.П.. Пятигорск: Пятигорский государственный университет.
- Лазарян Сергей, Клычников Юрий. 2020. *Политика правительства Российской империи в отношении католического духовенства в Царстве Польском и на Кавказе в первой половине XIX века: причина постановки проблемы*. «Гуманитарные и юридические исследования» № 1: 41–50.

REFERENCES

- GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. Fond 774. Kancelyariya pomoshchnika nachal'nika Kubanskoj oblasti po upravleniyu gorcami, g. Ekaterinodar Kubanskoj oblasti [State Archive of the Krasnodar Territory. Fund 774. Office of the Assistant to the Chief of the Kuban Region for Highlanders Management, Ekaterinodar, Kuban Region]. (In Russian)
- GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond 109. Tret'e Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii [State Archive of the Russian Federation. Fund 109. The Third Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. (In Russian)
- RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 38. Departament General'nogo shtaba [Russian State Military Historical Archive. Fund 38. Department of the General Staff]. (In Russian)
- RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. Fond 13 454. Shtab vojsk Kavkazskoj linii i Chernomorii raspolozhennyh [Russian State Military Historical Archive. Fund 13454. The headquarters of the troops of the Caucasian line and Montenegro located]. (In Russian)
- Klychnikov YUrij, Lazaryan Sergej. 2019. *Pol'skie insurgenty v ryadah "nemirnyh" gorcev* [Polish insurgents in the ranks of "non-peaceful" highlanders]. Ed. Ermakova V.P. Pyatigorsk, Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian)
- Lazaryan Sergej, Klychnikov Yurij. 2020. *Politika pravitel'stva Rossijskoj imperii v otnoshenii katolicheskogo duhovenstva v Carstve Pol'skom i na Kavkaze v pervoj polovine XIX veka: prichina postanovki problem* [The policy of the government of the Russian Empire in relation to the Catholic clergy in the Kingdom of Poland and the Caucasus in the first half of the 19th century: the reason for the problem]. "Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya" no 1, pp. 41–50. (In Russian)

